
Психология и общество

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ

А.В. ЮРЕВИЧ

Юревич Андрей Владиславович — заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук. Автор 9 монографий и более 200 статей, посвященных актуальным проблемам психологии и науковедения. Член редакционных коллегий журналов «Вопросы психологии», «Психологический журнал» и ряда российских и международных научных изданий.

Контакты: yurevich@psychol.ras.ru

Резюме

Автор подвергает критике сложившуюся традицию объяснять социальные революции преимущественно политическими и экономическими причинами. По его мнению, необходимы комплексные объяснения революций, в которых существенное внимание должно уделяться социально-психологическим факторам. В статье рассматриваются социально-психологические факторы революций и различные подходы к их объяснению, ситуация в современной России и существующие в ней «революционные точки». Анализируется также возможность революций в современном мире вообще и в нашей стране в частности.

«Революционное уравнение»

Марксистское определение революций многим из нас знакомо с детства, прошедшего в условиях систематического «промывания мозгов» советской идеологией. А более современные определения преподносят революции как «формы глобальных, насильственных и быстрых социальных изменений» (Zagorin, 1982,

р. 17), как «быстрые базисные изменения государственного устройства и классовой структуры общества» (Skocpol, 1979, р. 4) и т. п., акцентируя, во-первых, быстрое, во-вторых, радикальное, в-третьих, насильственное изменение ими существующего социального порядка.

Значимость, а стало быть, и притягательность революций в качестве объекта научного анализа связана не

только с тем, что они являются социальными событиями, имеющими огромное самостоятельное значение, но и с тем, что они служат «линзами, сквозь которые лучше видится повседневная организация общества» (Johnson, 1966, p. 1), и, соответственно, «объяснение революций является важным условием более полного знания общества и его понимания» (Zagorin, 1982, p. 151).

В исторической ретроспективе революции, как правило, видятся сквозь призму либо идеологием победившей стороны (вспомним советский образ Октябрьской революции), либо всевозможных мифов, что препятствует их адекватному восприятию и объяснению. Научный же анализ нацелен на выявление истинных причин революций и, если он не направляется идеологами, чьи-либо личными или групповыми интересами, в свете которых необходимо не объяснить, а оправдать рево-

люции, то предполагает их многоаспектное, комплексное объяснение.

Тем не менее научные объяснения революций тоже часто носят односторонний характер. Различные «измы» — виды одностороннего детерминизма — характерны не только для терминологического аппарата ученых о революциях (капитализм, социализм и т. п.) и их названий (марксизм и др.)¹, но и для воплощенной в них логики объяснения революционных событий. Революции объясняются в какой-либо одной плоскости (экономической, политической и т. д.) на фоне кажущейся очевидной для всех социальных наук истины, состоящей в том, что революционные события носят комплексный характер и не могут быть сведены лишь к какой-либо одной категории причин. Они характеризуются как комплексные явления, зависимые от конвергенции ряда независимых процессов (Skocpol, 1979)². Однако в

¹И.М. Савельева и А.В. Полетаев пишут: «На протяжении последних двух веков в политической и идеологической лексике постепенно утвердилась целая серия "измов": либерализм, социализм, радикализм, анархизм, неоглобализм и т. д. Мир политики маркирован "измами", которые, с одной стороны, служат для конструирования прошлого и настоящего, а с другой — являются своеобразным способом обозначить идейные течения, социальные силы и организации» (Савельева, 2006, с. 367). При этом «процесс образования "измов" нарастал на протяжении XIX–XX вв., и в результате, помимо исходных понятий, мы имеем: национализм, расизм, тред-юнионизм, социал-реформизм, фашизм, популизм, милитаризм, пацифизм, сексизм, феминизм, антиглобализм, мультикультурализм и т. д.» (Савельева, 2006, с. 369).

²Существенно подчеркнуть, что, при их подчиненности общим закономерностям, различные виды революций имеют свою специфику. В частности, революции, происходящие в центрах мировой цивилизации, отличаются от революций, происходящих на ее периферии, например, в «банановых республиках». «Центральные» революции, как правило, руководствуются социалистической идеологией, в то время как «периферические» революции — националистической (Wallerstein, 1989). Принято различать «ранние» и «поздние» революции (Kimmel, 1990). Есть различия и между другими типами революций, не делающие эфемерными, впрочем, и их общие закономерности. В последнее время обозначились и такие виды революций, как «бархатные» революции, «оранжевые» революции и т. п., и вообще, по-видимому, каждое время порождает характерный именно для него тип революций.

объяснениях революций «измы» явно преобладают над разносторонними, комплексными объяснениями, а экономический и политический детерминизм явно доминируют над другими его видами. Например, распространённые у нас объяснения революции 1991 г.³ построены преимущественно в рамках политического детерминизма: дескать, демократия победила тоталитаризм, а в книгах одного из активных участников тех событий — Е.Т. Гайдара — отчетливо выражен экономический детерминизм⁴: цены на нефть упали, нам грозил голод, и, дабы его избежать, понадобилась радикальная реорганизация нашей экономической системы (Гайдар, 2006).

Для объяснения революций характерен и «постулат непосредственности»: их, как правило, объясняют экономическими, политическими, социальными и прочими факторами *самими по себе*, «игнорируя опосредствующие факторы — сознание и действия людей» (Kimmel, 1990, p. 186)⁵. Более того, в теориях революций обращение к психологическим факторам часто трактуется как «волюнтаристское», не только очень

нежелательное, но и нарушающие характерные для построения этих теорий «правила хорошего тона» (там же, p. 186). В то же время трудно не согласиться с тем, что «классы, государства и даже международные экономические отношения не существуют сами по себе, а предполагают *отношения* между социальными субъектами. Они создаются, осуществляются и поддерживаются путем взаимодействия людей» (там же, p. 205), и даже такой феномен, как социальный класс,— это «явление, представленное в человеческих отношениях» (там же, p. 205). По мнению Р. Муснье, «в ситуациях бунта и революции отсутствуют линейный детерминизм, прямая связь в системе событий, которые могли бы их объяснить и оправдать. Эта связь является психологической, очень сложной психологической связью, а историк (можно также добавить: политолог, экономист и т. д. — А. Ю.) в большинстве случаев не способен постичь сознательную или бессознательную психологию людей, действия которых он изучает» (Mousnier, 1970, p. 157–158). Соответственно, вполне обоснованным звучит

³Соответствующие события пока не получили однозначной квалификации, не только оценочной, но и концептуальной, однако даже в вузовских и школьных учебниках они все чаще квалифицируются как революция, каковой их, по-видимому, и следует считать.

⁴Убедительное опровержение экономического детерминизма содержится, например, в работах А. Токвилля (Toqueville, 1955), демонстрирующего, что революции происходят не только тогда, когда экономическая ситуация ухудшается, и обусловлены, как правило, не этим ухудшением. А К. Поланьи называет объяснение происходящего в обществе преимущественно экономическими факторами «экономическим заблуждением» (Polanyi, 1957).

⁵Подчеркнем, что это игнорирование не устраивает не только психологов, но и многих представителей других дисциплин. «Я ненавижу те абсолютные системы, которые представляют себе исторические события зависимыми от великих первичных причин, связанных друг с другом фатальными цепями, и которые, можно сказать, исключают людей из истории человечества», — писал А. Токвилль (цит. по: Kimmel, 1990, p. 188).

призыв М. Киммеля «вернуть людей в революционное уравнение», но «не в качестве единственного пункта для объяснения революций, а в контексте глобальных социальных процессов» (Kimmel, 1990, p. 206).

Психологическая наука всегда проявляла большой интерес к революциям. Один из основателей социальной психологии Г. Ле Бон был в числе пионеров психологического обоснования революций, в своей книге со знаковым названием «Психология революции» (Le Bon, 1913) объяснив очень несимпатичную ему Французскую революцию проявлением иррациональности, агрессивности и склонности к насилию больших скоплений людей, именуемых им толпами. Эту линию в объяснении революций продолжил другой основоположник социальной психологии У. Макдаугалл, который тоже подчеркивал слепую иррациональность революционных толп, в революционном экстазе сносящих все вокруг, и «патологический» характер их действий. Иррациональность поведения толп или, в более привычной нам терминологии, революционных масс, отмечал и З. Фрейд, считавший их невротичной формой группового поведения. З. Фрейд также находил большое сходство между революционными идеологиями, в частности социализмом и религией, и при этом очень уважительно относился к построению социализма в нашей стране как к одной из самых грандиозных попыток усовершенствовать

цивилизацию⁶. А такой известный последователь З. Фрейда, как В. Райх, писал, что политическая революция не может победить, если она не сопровождается соответствующим изменением морали — сексуальной революцией. «Определить свободу — это то же самое, что определить сексуальное здоровье» (цит по: Robinson, 1969, p. 52), — провозглашенный им лозунг, нашедший поддержку со стороны Г. Маркузе и других фрейдомарксистов. Поиски связи между революциями и сексом продолжил Х. Менкен, назвавший их «сексом политики» (Kimmel, 1990). А Н. Смелсер, напротив, назвал коллективное поведение «действием импотентов», имея в виду, что в него включаются те, кто не способен достичь своих целей путем индивидуального поведения (Smelser, 1962).

Идея иррациональности революционных толп, впрочем, впоследствии была уравновешена представлением о том, что многие в этих толпах ведут себя вполне рационально, преследуя определенные групповые и личные интересы, и мотивы революционного поведения не могут быть сведены только к иррациональному, разрушительному началу (Olson, 1965; и др.). Многие современные теоретики революций принимают характерную для марксизма трактовку этого явления как рационального процесса или, по крайней мере, как рациональной реакции на иррациональные социальные обстоятельства. А М. Киммель пишет:

---

⁶В его работах можно встретить и весьма «социалистические» утверждения, например, такое: «По природе своей человек хорош и доброжелателен к своему соседу; но институт частной собственности испортил его природу» (Freud, 1961, p. 60).

«Идеи и эмоции надо рассматривать в социальном контексте; структурные изменения в обществе создают основу для революционного поведения, которое в результате выглядит рациональным и объяснимым, а не только выражением слепого гнева иррациональной толпы» (Kimmel, 1990, p. 33).

Лидеры и ведомые

Можно выделить два основных направления социально-психологического объяснения революций, делающие акцент соответственно на их объяснении: 1) психологическими качествами лидеров революций, 2) более глобальными социально-психологическими процессами, порождающими революционные события. Одни авторы психологических объяснений революций сосредотачиваются на психологических характеристиках их лидеров, пытаясь понять, почему люди становятся революционерами, которым удается вести за собой массы, другие — на психологических характеристиках ведомых и психологическом состоянии обществ, в которых происходят революции. При этом и те, и другие, как правило, опираются на идею З. Фрейда о невротическом характере связи между лидерами и ведомыми, в частности, на его утверждение о том, что «группа представляет собой

послушную орду, которая не может жить без хозяина. Она испытывает жажду подчинения, которая вынуждает инстинктивно подчиняться любому, кто провозглашает себя своим хозяином» (Freud, 1959, p. 13). Популярность этой идеи не вполне понятна в свете того, что революции часто направлены именно против хозяев, хотя нередко и увенчиваются сменой одних хозяев другими, причем худшими, нежели низвергнутые. Тем не менее, нельзя не признать и того, что революции, как правило, порождают вождей и предполагают некритическое подчинение им. А вопрос о том, что более характерно для революций — слепое подчинение лидерам или ниспровержение авторитетов, видимо, не имеет однозначного решения.

В результате изучения психологических характеристик «революционных личностей», т. е. революционеров, К. Лейден и К. Шмитт делают категоричный вывод: «только авторитарные личности имеют потребности и убеждения, необходимые для успешного совершения революций» (Leiden, Schmitt, 1968, p. 81), что во многом объясняет, в частности, чудесное перерождение наших революционеров-демократов, которые, придя к власти, стали проводить свои революционные преобразования хотя и от имени демократии, но отнюдь не демократическим путем⁷. А А. Уолферстейн, изучив биографии и

---

⁷Как пишет Н. М. Ракитянский, «развитие России в течение всей ее истории осуществлялось скачкообразно, когда все силы страны путем чрезвычайного рывка бросались на преодоление предшествующего реформам отставания от Запада: государственное правление Ивана Грозного, эпоха Петра I, реформы Александра II и реформы Столыпина, сталинская индустриализация, хрущевское «догнуть и перегнуть», горбачевская перестройка, ельцинская «демократизация всей страны». Правящая элита насильственно осуществляла реформирование антигуманными,

психологические особенности таких людей, как В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и И. Ганди, пришел к выводу, что ключевым фактором, толкнувшим их на тернистый путь революционера, послужили взаимоотношения с отцами (Wolferstein, 1971). В интерпретации А. Уолферстейна революционеры, у которых в детстве сформировался протест против авторитарных отцов, обращают его на государство. К протесту против авторитарного отца примешивается Эдипов комплекс, идентификация с отцом и желание быть на него похожим, тоже обращенные на государство. В результате протестующие против авторитаризма, придя к власти, сами становятся весьма авторитарными (там же). Соответственно, революции предстают не как следствие конфликтов между классами, обществом и государством и т. п., а как выражение личных психологических проблем революционеров, решающих их не во внутриличностном, а в глобальном социальном пространстве, что выглядит как очередная крайность — «изм», в данном случае личностно-психологический, в объяснении революций.

В качестве главного личностного качества, делающего лидеров революций привлекательными для их последователей, выделяется харизматичность (Kimmel, 1990; и др.). В то же время харизматичность, понимаемая М. Вебером и его последователями как «нерациональная форма авто-

ритета», трактуется как несводимая к психологическим качествам самих революционных лидеров, а являющаяся продуктом их восприятия сквозь призму групповых эмоций и ожиданий. М. Киммель подчеркивает, что объяснение харизматичности революционных лидеров следует искать не столько в их личностных качествах, сколько в социально-психологическом состоянии соответствующих обществ и характерных для них коллективных эмоциях (Kimmel, 1990). Эта трактовка распространяется на феномен политического лидерства в целом и, в частности, на такую его экстремальную форму, как «феномен вождя», что может быть продемонстрировано даже с помощью языковых штампов. Выражения «вождь индейцев» или «вождь мирового пролетариата» звучат вполне органично, в то время как словосочетания «вождь американцев» или «вождь демократов» выглядят довольно анекдотично. «Феномен вождя» предполагает не только наличие лидера, обладающего определенными личностными качествами, но и соответствующую социокультурную, политическую и социально-психологическую среду.

Вообще в современных психологических интерпретациях революций преобладает представление о том, что главную роль в их совершении играют не лидеры, а ведомые. «Важнейшую часть любой революционной толпы составляют благо-

---

подчас даже варварски жестокими методами» (Ракитянский, 2002, с. 68). То, что ельцинские «демократические реформы» автор ставит в один ряд с правлением Ивана Грозного и сталинской индустриализацией, возможно, выглядит перегибом (хотя бы потому, что в этих случаях целью было укрепление, а не разрушение государства), однако не лишено оснований.

пристойные, уважающие себя обычные люди, механики и чернорабочие, бакалейщики, пекари и изготовители свечей» (Edwards, 1982, p. 102), а отнюдь не профессиональные революционеры, — считает Т. Эдварс. А К. Бринтон подчеркивает, что это в своем большинстве «вполне обычные мужчины и женщины... не подверженные чему-либо, требующему обращения к психиатру» (Brinton, 1965, p. 119–120).

Вместе с тем революции рассматриваются и как «социальная зараза», распространяющаяся путем коллективного заражения (См.: Kimmel, 1990). Данная точка зрения перекликается с трактовкой революций как социальных аномалий или мутаций, а не необходимых стадий в развитии общества. Ч. Элвуд и другие аналитики революционного процесса еще в начале прошлого века подчеркивали, что этот процесс является нарушением нормального развития общества (там же). А С. Эйзенштадт пишет, что «возникновение революций... должно рассматриваться не как естественное и неизбежное развитие общества, а скорее как уникальное развитие событий или мутация» (Eisenstadt, 1978, p. 334).

Среди различных направлений психологической трактовки революций заметное место занимает их объяснение расхождением между реальностью и ожиданиями. Одна из интерпретаций последствий этого расхождения строится на основе тео-

рии взаимосвязи между фрустрацией и агрессией Н. Миллера и Дж. Долларда и сводится к тому, что неудовлетворенные ожидания вызывают фрустрацию, а та порождает агрессию, находящую выражение в революционном поведении (Adas, 1979; и др.). При этом считается, что чем выше уровень фрустрации в обществе, тем больше политическая нестабильность и, соответственно, тем выше уровень революционного возбуждения масс. Данную закономерность трудно оспорить, хотя следует подчеркнуть, что повышенный уровень фрустрации, равно как и агрессии, в обществе далеко не всегда приводит к революциям, т. е. их объяснения реакцией на массовую фрустрацию явно недостаточно. Близкая интерпретация строится на основе теории когнитивного диссонанса⁸ и предполагает трактовку революций как мотивированных стремлением восстановить консонанс между реальностью и ожиданиями.

Подмечено, что наиболее остро конфликт между реальностью и ожиданиями переживают социальные группы, положение которых ухудшается, например, в результате проводимых в обществе реформ. Реформы, с одной стороны, вызывают у этих групп надежды на улучшение их социально-экономического положения, с другой, приводят к ухудшению этого положения, что обостряет конфликт между реальностью и ожиданиями. Ярким примером может

---

⁸Когнитивный диссонанс, впрочем, иногда не возникает даже в тех случаях, когда он, казалось бы, неизбежен. Так, характерная для значительной части наших сограждан перцептивная структура «в стране все плохо, но президент — хороший» выглядит явно диссонантной, но не воспринимается ими в качестве таковой.

служить значительная часть современной российской интеллигенции, активно поддержавшей наши реформы в конце 80-х — начале 90-х годов истекшего столетия и резко изменившей свои настроения, ощутив на себе результаты этих реформ (здесь уместно вспомнить о том, что в начале XX в. отечественная интеллигенция пережила нечто похожее).

Многие теоретики революций, начиная с Э. Дюркгейма и З. Фрейда, сравнивают революционную энергию масс с вулканами: она накапливается до некоторой критической величины, по достижении которой «вулкан» извергается, разрушая сложившуюся политическую структуру общества. Революции дают выход революционной энергии масс, в результате чего после их совершения, как правило, устанавливается «довольно длительный период мира и спокойствия» (Edwards, 1982, p. 51). В принципе, подобное представление противоречит и истории гражданских войн, и периоду репрессий, часто наступающему вслед за революциями: и то, и другое трудно назвать «периодом мира и спокойствия». Однако «энергетическое» объяснение революций выражает тот давно уловленный многими обществоведами, публицистами, да и самими революционерами факт, что революционная энергия масс не беспредельна и, разрядившись революцией, восстанавливается не скоро. Во многом поэтому революции часто сопро-

вождаются репрессиями, порождающими у потомков вопрос, как их можно было терпеть⁹, и непонимание того, что в результате революций подчас утверждаются более авторитарные режимы, нежели низвергнутые ими.

С позиций «энергетического» объяснения революций ответ состоит в том, что массы, революционная энергия которых выплескивается во время революций, впоследствии становятся объектом тирании, ибо у них не остается сил для протеста, а тем более для новых революций. Возможно, каждый народ имеет свой период «революционной пассионарности» (англичане в XVII в., французы в XIX, россияне в начале и в конце XX в.), а по прошествии этого периода совершение ими революций очень маловероятно. В период, непосредственно предшествующий революциям, в обществе ощущается психологическое напряжение, которое сказывается на всех уровнях социальных отношений. Это напряжение и революционная энергия масс в принципе могут разрядиться разными способами, породить фантазии, криминальное поведение, массовые психические расстройства, психосоматические заболевания и т. п., а также актуализировать различные механизмы психологической защиты, препятствующие выражению деструктивных настроений в революциях (Johnson, 1966). Однако спустя некоторое время эти механизмы теряют

---

⁹В частности, как отмечает Е.Б. Шестопал, базируясь на результатах опросов общественного мнения, «период правления Б. Ельцина, очевидно, можно занести в книгу рекордов Гинесса по числу недовольных властью. Остается только удивляться, как мог десять лет продержаться режим, который практически никто не поддерживал» (Шестопал, 2002, с. 38).

свою эффективность, в результате чего протестная энергия масс обретает революционные формы. И очень многое зависит от способности властвующей элиты обуздать эту энергию, направить ее в мирное или немирное, но безобидное для существующего режима русло.

Революционная мобилизация

Одна из главных проблем, возникающих при психологическом изучении революционного поведения,— это, естественно, проблема его *мотивации*, того, что подвигает людей оставить спокойный образ жизни ради участия в революционных битвах. М. Киммель пишет: «Любое научное изучение революций с позиции социальных наук должно включать теорию мотивации, психологию революционного поведения. Такие теории могут базироваться на психологических положениях об универсальных мотивах человеческого поведения или могут объяснять только экстраординарное поведение в революционной ситуации» (Kimmel, 1990, p. 11). Киммель отмечает также, что существуют два основных источника мотивации в таких ситуациях: отчаяние и надежда — отчаяние в своей жизни при существующем режиме и надежда на то, что она изменится к лучшему от его изменения. А Н. Смелсер считает, что протестные движения «характеризуются глубоким пессимизмом относитель-

но настоящего и нереалистичным возложением за него вины на какую-либо личность или класс» (Smelser, 1962). При этом, как подчеркивает Т. Скокпол, существует очень непростое отношение между мотивацией революционных действий, с одной стороны, их целями и результатами, с другой, обусловленное тем, что, во-первых, «революции случаются, а не совершаются» сознательно действующими субъектами, во-вторых, эти субъекты далеко не всегда четко осознают, чего именно они ждут от революций, а их мотивы, как правило, очень сложны и плохо артикулированы¹⁰, в-третьих, в результате революций почти всегда получается не то, что провозглашалось их инициаторами (Skocpol, 1979). Как пишут И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «мотивы участников политического процесса лишь частично совпадают с замыслами вдохновителей утопических проектов, первоначальная энергия и энтузиазм которых подвергаются со временем процессу коррозии» (Савельева, Полетаев, 2006, с. 361).

Сосуществуют два вида объяснений мотивации революционного поведения: 1) модель «рационального субъекта», основанная на том, что субъекты революционного поведения «действуют рационально, подсчитывая свои интересы и примыкая к той стороне, которая обещает их наиболее полное удовлетворение» (Kimmel, 1990, p. 193), 2) модель

---

¹⁰Это обстоятельство подчеркивает и Г. Вуд, который пишет: «Цели, преследуемые людьми, особенно в процессе революций, настолько многочисленны, настолько разнообразны, настолько противоречивы, что их взаимодействие порождает результаты, которые никто не планирует и даже не может предсказать» (цит. по: Kimmel, 1990, p. 189).

«моральной экономии», предполагающая, что «люди действуют эмоционально, стремясь сохранить свой этический и материальный мир» (там же, р. 193). Наиболее ярким выражением первой является марксизм, согласно которому участники революций осознанно и рационально выражают свои объективные-классовые интересы, а примером второй — роман М.А. Шолохова «Тихий Дон», в котором приобщение к той или иной противодействующей стороне описано как осуществляющееся преимущественно не на рациональной, а на эмоциональной основе, под влиянием множества сопутствующих случайных обстоятельств.

История науки демонстрирует, что в ситуациях подобного соперничества двух полярных позиций, как правило, оказываются верны обе, но каждая на своей «области значений», т. е. оба механизма приобщения к революционным действиям имеют место, что не означает возможности универсализации одного из них. В частности, довольно трудно себе представить, чтобы в условиях революционной стихии, мало понятной большинству охваченных ею, каждый действовал строго рационально, на основе лишь своих личных интересов. К тому же революционные ситуации — не демократические выборы, и в подобных условиях далеко не всегда существует возможность примкнуть именно к той стороне, которая представляется предпочтительной.

Т. Парсонс подчеркивал, что революционные движения выражают систему различных мотиваций в отношении существующего институционализированного порядка, которые

проистекают из напряжений в системе социального равновесия (Parsons, 1955). А Дж. Пейдж постулирует линейную зависимость между уровнем эксплуатации граждан и их готовностью к политической мобилизации (Paige, 1975). Согласно этой трактовке, революционерами становятся наиболее эксплуатируемые, что подтверждается Дж. Пейджем на материале вьетнамской революции, но не слишком хорошо согласуется, например, с историей наших российских революций, организованных отнюдь не представителями социальных низов. Однако Дж. Пейдж акцентирует очень существенный аспект мотивации революционного поведения: вьетнамские крестьяне пошли в революцию не из-за того, что подвергались чрезмерной эксплуатации со стороны французских колонизаторов, а потому, что те сломали традиционный для них жизненный уклад. Крестьяне сменили плуги на ружья не потому, что им было нечего терять, как пролетариям в учении Маркса, а вследствие того, что им, наоборот, было что терять и, соответственно, что защищать. Эта же схема объясняет выступления афганских моджахедов, а впоследствии — талибов, и др. Как пишет М. Киммель, «когда люди совершают революции, они руководствуются своими мечтаниями. Основания этих мечтаний часто составляют реминисценции, воспоминания о мире, каким он был когда-то, и желание его вернуть» (Kimmel, 1990, р. 193). В результате, по словам К. Колхауна, «нам следует воспринимать революции против капитализма как инспирированные не новым классом, который порождает сам капитализм, а теми традиционными

социальными группами, для которых он представляет угрозу» (цит. по: Kimmel, 1990, p. 202). В эту логику хорошо вписывается и трактовка нашей Октябрьской революции 1917 г. как вызванной стремлением восстановить традиционные патриархальные отношения — общинные и т. д., уничтоженные распространением капитализма в России.

Соответственно, подвергается критике и представление о том, что лидеры революций всегда руководствуются модернизаторскими намерениями. Более того, как отмечает Р. Айа, цели многих из них «были весьма консервативными, даже реакционными, состоявшими в защите старого экономического и политического порядка от посягательств государства или правящего класса» (Ауа, 1979, p. 72), т. е., вопреки распространенным представлениям о революционерах, они далеко не всегда были реформаторами, а подчас представляли собой контрреформаторов.

Вполне убедительно выглядит и критика марксистской схемы, предполагающей, что революционные намерения масс порождаются их эксплуатацией и чем выше уровень эксплуатации, тем выше и уровень революционной энергии. «Голодающие люди слишком озабочены выживанием для того, чтобы вынашивать планы свержения правительств или проектировать альтернативные модели социального устройства», — резонно замечает М. Адад (Adas, 1979).

И действительно, история свидетельствует о том, что главными вдохновителями революций становятся не голодающие и не те, кому «нечего терять, коме собственных цепей», а вполне обеспеченные люди, не занятые заботой о хлебе насущном и поэтому имеющие возможность размышлять о судьбах народов и цивилизаций. Да и вообще, как подчеркивает Т. Эдвардс¹¹, революционные настроения у тех или иных социальных групп порождаются не их обнищанием, а снижением их места в социальной иерархии: больше всего недовольны существующим социальным порядком не те, кто всегда жил плохо, а те, кто прежде жил относительно (других социальных групп данного общества) хорошо, но в результате реформ или каких-либо иных социальных пертурбаций ухудшил свое положение (Edwards, 1982). В эту логику вписывается оппозиционность современной российской интеллигенции, большая часть которой пострадала от реформ, а также таких социальных групп, как военные и др., принадлежавших в советском обществе к числу наиболее обеспеченных. Для этих социальных групп характерно наихудшее социальное самочувствие, порождающее мотивацию к радикальному изменению существующего режима и соответствующие политические ориентации (Козырева и др., 2001). И именно они составили ядро социально-профессиональных сообществ, которые стали

---

¹¹Этот автор, впрочем, довольно противоречив. Он констатирует также, что «затерявшиеся в открытом море матросы, ощущая недостаток пищи, всегда вводят коммунизм» (Edwards, 1982, p. 203), и подчеркивает, что «русский коммунизм не был следствием теории, он был результатом кризиса», явно недооценивая роль концептуально-идеологического обоснования революций.

систематически использовать такое средство воздействия на власть, как «массовое солидарное протестное действие» (Климов, 2001, с. 330). В данной связи очень существенно и то, что стржевым компонентом революций обычно является позиция «лидеров мнений» — формирующих общественное мнение интеллектуалов, которые утрачивают лояльность существующей системе и превращаются в ее критиков (Brinton, 1965; и др.).

Влияние внешних обстоятельств

Описанные ситуации высвечивают неадекватность объяснения революций лишь «внутренними» причинами, т. е. происходящим в том или ином государстве в абстрагировании от международного контекста, например, классовой борьбой. «Считать классовую борьбу единственной движущей силой истории — это одностороннее, а, следовательно, ошибочное преувеличение, — пишет О. Хинтце. — Конфликты между нациями играют куда более важную роль; давление извне оказывает большое влияние на внутривнутриполитические процессы» (Hintze, 1975, р. 183). С этим трудно не согласиться, если вспомнить, какую роль среди истоков двух российских революций 1917 г. сыграла война с Германией или какое влияние западные страны и их идеология оказали на наших реформаторов в конце прошлого столетия. Р. Коллинз напрямую связывает революции с провалом международной политики государств, в которых они совершаются (Collins, 1986). Во-первых, неудачи в международной политике, особенно

в войнах, как правило, сопровождаются ослаблением государств, терпящих эти неудачи, и, соответственно, ослаблением их репрессивного аппарата, сдерживающего революционные импульсы. Во-вторых, они повышают недовольство существующим режимом, правящей элитой и т. п., приводящее к усилению этих импульсов. Ярким примером и того, и другого может служить неудачное участие России в Первой мировой войне. А Афганская война, хотя и не ослабила существовавший в нашей стране репрессивный аппарат, но заметно усилила недовольство советским режимом и сомнения в его эффективности.

Влияние неудач во внешней политике, особенно в войнах, на революционные ситуации, хорошо вписываются и в психоаналитическую логику их объяснения. Если по своей природе человек агрессивен и ему свойственно разрушительное начало, то агрессивные массы, потерпев неудачу в применении своей разрушительной энергии вовне — в отношении других государств, начинают выплескивать ее в своих собственных государствах, что и приводит к революциям. Из этого следует, что «сублимация» революционной энергии масс в межгосударственных войнах — ход очень опасный, ибо только успех в этих войнах может принести желаемый результат, а неудача, напротив, обращает эту энергию «вовнутрь», что и произошло в России в начале XX в. Однако это объяснение предполагает, будто уровень агрессивной энергии масс — величина константная, не понижающаяся в результате вымещения этой энергии на противнике, что противоречит историческим примерам

«умиротворения» таких стран, как Германия и Япония, в результате их поражения в войне.

Р. Коллинз описывает также возможность парадоксального психо-энергетического последствия войн, состоящего в том, что и победы в них могут содействовать революциям. (Здесь в качестве примера можно привести выступление декабристов.) Участие в войнах, даже в победоносных, порождает «перенапряжение», которое может разряжаться в революциях. И вообще, как отмечает Р. Коллинз, «геополитическое перенапряжение является ключевым условием революций» (Collins, 1986, р. 69). Оно приводит к тому, что «перенапрягшееся» государство не может сдержать революционные импульсы: «военное перенапряжение государства приводит к снижению его силы» (там же, р. 164). Коллинз пишет и о том, что революции имеют не только общесоциальное, но и личностно-психологическое значение, порождая у граждан чувство надежды, радости, возможности личностных изменений и разрушения границ, как политических, так и личностных. Действительно, без этих «энергетических ресурсов» коллективных действий революции трудно себе представить, а само утверждение главенствующей роли соответствующих коллективных эмоций выглядит весьма тривиальным. Однако ощущение тривиальности исчезает, если рассматривать его как *конъюнк-*

цию двух эмоциональных факторов в качестве условия революций, более того, этой конъюнкции можно придать прогностические свойства. Скажем, если в обществе налицо массовое недовольство существующим режимом, но ему не видится внятных альтернатив и нет уверенности в том, что от его радикального изменения жизнь станет лучше, революция теряет существенную слагаемую своего энергетического потенциала и становится маловероятной. Вместо массового революционного настроения возникает массовая аномия¹², вызванная разочарованием в существующем режиме *на фоне отсутствия скольконибудь вдохновляющих альтернатив*, что очень характерно для современной России, где наблюдается «массовая тенденция настроений угнетенности, апатии и социального пессимизма» (Козырева и др., 2001, с. 245), лишь 15–20% населения выражают надежду на лучшее будущее (там же), полностью удовлетворены своей жизнью лишь 4% населения, а 68% не уверены в своем будущем (Шубкин, Иванова, 2001). «Ситуация аномии, как правило, сопровождается ретритизмом (т. е. уходом в себя, воздержанием от политической активности. — А. Ю.)» (Климов, 2001, с. 335) и обостряется такими характерными для нашего общества «социальными болезнями», как реформофобия, бандитофобия и другие виды социальных страхов, которыми, как свидетельствует статистика, страдает до

¹²По Э. Дюркгейму, коллективная аномия проистекает из того, что моральное развитие общества не поспевает за его социальным и технологическим прогрессом. Это порождает деградацию социальной организации, сравнимую с тем, что происходит с личностью, принимающей решение о самоубийстве (Durkheim, 1951).

70% наших сограждан¹³. А для того, чтобы массовая anomia сменилась желанием действовать, нужна альтернатива существующему порядку, способная, как некогда идея коммунизма, вызвать массовый энтузиазм и породить надежду на светлое будущее. Как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «особенностью социальной утопии, в отличие, например, от религии, является то, что, помимо иллюзорного варианта решения общей социально-политической ситуации, она содержит практический проект, предлагая попытку социального эксперимента. В этом источник жизненности утопии, ее доступности массовому сознанию. Поэтому утопии и содержат в себе мощный политический заряд» (Савельева, Полетаев, 2006, с. 358).

Вообще вопрос о том, что заставляет революционно настроенные массы действовать — вопрос о политической *мобилизации* масс — является одним из ключевых для объяс-

нения революций. Для их успешного совершения необходимы четыре главных условия: 1) массовое недовольство существующим режимом, 2) наличие более или менее ясного плана его революционного преобразования, способного вдохновить массы, 3) мобилизация масс на свержение режима и претворение этого плана в жизнь, 4) способность мобилизованных масс сломить сопротивление низвергаемого режима. Первое в таких странах, как наша, имеется всегда¹⁴. Второе — дело идеологов. Четвертое — вопрос тактики захвата власти, шедевры которого продемонстрировали большевики¹⁵. Однако, не умаляя значимости всего этого, все же можно утверждать, что самое трудное — третье: превращение массового недовольства в массовые революционные действия. Это прекрасно понимали все организаторы революций (вспомним работу большевистских агитаторов в войсках и др.), а революции, не сопровождавшиеся достаточным уровнем

---

¹³Отметим, что в нынешней России anomia свойственна не только народу, но и власти, которая воплощает в жизнь лишь небольшую часть принимаемых ею решений. Она регулярно провозглашает намерения побороть мафию, теневую экономику, высвободить рынки из-под контроля криминальных структур и т. п., однако дальше пары-другой ритуальных рейдов милиции или налоговой инспекции дело, как правило, не идет, т. е. власть сама не верит в осуществимость своих намерений.

¹⁴В частности, как показывают опросы, примерно 20% наших сограждан оценивают наш нынешний режим как ухудшение в сравнении с режимом Б.Н. Ельцина, который тоже был крайне непопулярен, или, по крайней мере, не видят принципиальных изменений к лучшему: «Тот же беспредел власти, воровство чиновников, "тайное правление", равнодушие к людям и бездарность правителей» (Шестопал, 2002, с. 39).

¹⁵Очевидно, для каждого времени необходима своя тактика, что не всегда учитывается революционерами. Так, в 1993 г. протестовавшие против режима Б.Н. Ельцина, будучи воспитанными на ленинских работах, явно использовали основные элементы тактики большевиков, пытаясь захватить государственные учреждения и Телецентр (возможно, видя в нем современный аналог телеграфа, к первоочередному захвату которого призывал вождь мирового пролетариата). По всей видимости, в современных условиях захватывать следовало что-то другое.

мобилизации масс (например, восстание декабристов, проходившее под лозунгом «для народа, но без народа»), всегда терпели поражение¹⁶. И вообще, как отмечает Ч. Тилли, очень немногие революционные ситуации приводят к революционным результатам, прерываясь на стадии мобилизации. Он выделяет три ключевых элемента революций: 1) социальный конфликт, 2) мобилизация, 3) организация, подчеркивая, что мобилизация является важнейшим связующим звеном между первым и третьим, и это обеспечивает трансформацию массового недовольства в революционные действия (Tilly, 1978). Ч. Тилли рассматривает революции как предельное выражение политической борьбы, которая ведется всегда, но принимает революционные формы только в результате массовой мобилизации, т. е. именно эта мобилизация переводит перманентно присутствующую политическую борьбу в форму революции. А, начиная с этапа мобилизации, революционные события, согласно Ч. Тилли, проходят семь типовых стадий: 1) политическая мобилизация недовольных режимом, 2) возрастание их численности, 3) безуспешные попытки правительства подавить сопротивление коалиции недовольных, 4) приход этой коалиции к власти или обретение ею кон-

троля над правительством, 5) борьба коалиции за укрепление и расширение своей власти, 6) воссоздание единой государственной политики победившей коалицией, 7) обретение ею власти над населением.

Разумеется, еще раньше необходимость революционной мобилизации масс осознали и использовали сами революционеры. Отсюда проистекает, например, ленинская идея революционной партии, «партии нового типа», способной осуществить эту мобилизацию и претворить революционную энергию масс в успешные революционные действия. И симптоматично, что Л.Д. Троцкий в своей очень известной, но не в нашей стране, а на Западе, книге «История русской революции» сравнивал организацию революционных масс со стволом оружия, который концентрирует энергию пороховых газов и придает ей направленность (Trotsky, 1959).

Впрочем, массовая политическая мобилизация может и не привести к революции, если существующие политические институты способны ассимилировать революционную энергию масс «мирным» образом. Как пишет С. Хантингтон, «политическая сущность революций состоит в быстрой экспансии политического сознания и быстрой политической мобилизации новых социальных групп со скоростью, которая исключает их

---

¹⁶Исключением из этого правила являются «революции сверху», которые не только не предполагают широкого участия масс, но, напротив, обычно осуществляются на фоне их отстранения от принятия судьбоносных решений. Скажем, после того, как население СССР проголосовало за его сохранение, состоялась «революция сверху», покончившая с этим геополитическим образованием и установившая в нашей стране режим, который едва ли утвердился бы, если бы «решали массы». Подобная схема была очень характерной для наших «демократических» реформ, которые совершались от имени народа, но без обращения к его мнению.

ассимиляцию существующими политическими институтами» (цит. по: Kimmel, 1990, р. 62). Т. е. революционная ситуация возникает тогда, когда развитие политического самосознания масс опережает трансформацию политических институтов, старая политическая структура общества приходит в противоречие с новым политическим сознанием, которое и «взрывает» ее. В результате одно из объяснений революций основано на акцентировании роли конфликта между государством и обществом, основные потребности которого приходят в противоречие с принципами государственного устройства (Anderson, 1974). Достаточно общепризнанным является и представление о том, что революции происходят тогда, когда ослабленное войной, реформами, развращенностью и слабоумием государственных деятелей и т. п. государство оказывается неспособным сдерживать давление извне и внутригосударственные конфликты. Дж. Гудвин и Т. Скокпол пишут, что «идеальные условия для роста широкой революционной коалиции создают репрессивный авторитарный режим, который не способен контролировать свою территорию и свои границы, а также некогда эффективный репрессивный режим, который ослаб во всех отношениях» (цит. по: Kimmel, 1990, р. 178).

В то же время революционные настроения сами порождаются социально-экономическими изменениями, причем, как подчеркивает

Р. Айя, «чем быстрее социально-экономические изменения, тем выше уровень политического беспокойства масс» (Ауа, 1979, р. 55). А. Токвиль продемонстрировал эту схему на примере французской революции, показав, что она была порождена не массовым недовольством репрессивным аппаратом, существовавшим при прежнем режиме, а, наоборот, тем, что этот аппарат был расшатан и ослаблен в ходе реформ (Токувилль, 1955). В данную схему вписывается трактовка Октябрьской революции 1917 г. тем, что социально-экономическое развитие России привело к утверждению капиталистических отношений, чуждых ее общинным, патриархальным и прочим традициям. Этой же логике отвечает и понимание революций как реакции *не на отсутствие назревших реформ, а, наоборот, на сами реформы*, разрушающие традиционный для данного общества уклад жизни и создающие непосильное для него напряжение. В частности, как показал Е. Мюллер на материале стран третьего мира, революции там часто порождаются слишком поспешной модернизацией и плохо подготовленными демократическими преобразованиями, в результате чего происходит «откат» от демократии, причем на ее более низкий уровень в сравнении с тем, с которого эти преобразования начинались (Muller, 1995). А если рассматривать произошедшее в нашей стране в октябре 1993 г. как неудавшуюся революцию¹⁷, подавленную

¹⁷Отметим, что, как подчеркивает М. Киммель, неудавшиеся революции, не увенчавшиеся свержением существующего строя, тоже следует считать революциями, а теория революций должна объяснять не только сами революции, но и обратное им явление — контрреволюции (Kimmel, 1990).

режимом Б.Н. Ельцина, то она тоже выглядит как реакция на слишком успешные социально-экономические преобразования, к которым большая часть населения была не готова.

Объяснение революций классовыми конфликтами тоже не списано в тираж, и целый ряд современных исследователей (Р. Мур и др.) развивают эту заложенную К. Марксом традицию. Симтоматично и отношение к учению о классовой борьбе в современной России. В позднесоветское время, когда в нашем обществе не наблюдалось какой-либо классовой борьбы, мы повсеместно штудировали это учение, теперь же, когда наше общество, характеризуясь запредельным децильным индексом, переживает острейшие классовые противоречия (классы сейчас другие, нежели нас учили, но это не суть), учение о классовой борьбе предано забвению. Создается впечатление, что это учение, довольно искусственное для того времени, когда нам его повсеместно навязывали, буквально списано с современной России и является как нельзя более адекватным понятийным аппаратом для объяснения происходящего в ней. В то же время, как отмечают Т. Скокпол (Skocpol, 1979) и др., реальные революции плохо вписываются в схему, разработанную К. Марксом, реальные классы отличаются от описанных им абстрактных классов, отношения между ними более сложны, дополнены отношениями между различными маргинальными группами (к какому классу отнести, например, бюрократию или «новых русских?»), место «авангардных партий», выражающих классовые интересы, занимают «маргинальные элиты» и т. п. В результате

в современных теориях революций на центральных позициях оказалось понятие социального конфликта, но конфликта не только между классами, а между классами и государством, между различными государствами и др., т. е. понятие социального конфликта переносится из классовой в более широкую плоскость.

Вместе с тем при существовании типовой логики развертывания революций они всегда содержат элемент непредсказуемости, а в переломные моменты их совершения «возможно все» (Kimmel, 1990, p. 50), т. е. события могут пойти в разных направлениях в зависимости от множества обстоятельств. К тому же при существовании относительно инвариантной логики совершения революций, они могут быть обусловлены различными причинами и порождаться разными типами социальных конфликтов. Для разных обществ характерны различные «революционные точки», т. е. области концентрации конфликтов, потенциально чреватых революциями. В частности, в современной России такими «революционными точками» являются отношения между богатыми и бедными, властвующей элитой и народом, этнические конфликты и др.

Революции в современном мире

Отношение к революциям неоднозначно и к тому же переменчиво. Особенно в нашей стране, живущей по «закону маятника» и регулярно переходящей от одной крайности к другой. Отношение к революциям как к «локомотивам истории» и единственно возможному пути освобождения эксплуатируемых классов

сменилось у нас отношением к ним как к политическому экстремизму, строго караемому законом¹⁸. В других странах революции законом тоже, естественно, не приветствуются, однако при этом нередко ассоциируются со свободой, равенством, братством и прочими непреходящими ценностями. Подмечено и то, что наиболее негативное отношение к революциям существует в США, где они воспринимаются как наиболее глобальный вид социальной деструкции (революция американских колонистов против англичан, естественно, воспринимается как позитивное исключение).

В аналитической литературе, посвященной революциям, они тоже трактуются полярным образом: от «локомотивов истории», обеспечивающих социальный прогресс, до одной из главных угроз социальной стабильности и цивилизации. «Революция может грубо разрушить многие ценные вещи, однако она же может дать жизнь духу свободы, самоценность которого не подлежит сомнению» (Zagorin, 1982, p. 208), — пишет П. Загорин. «Революции ослабляют законы, обычаи, привычки, верования, которые связывают людей в обществе» (Brinton, 1965, p. 51), — считает К. Бринтон. А вот слова одного из революционеров, выражаю-

щие самоценность революций для их участников: «Ни одна забастовка, ни одна демонстрация, ни один бунт не терпят неудачи. Протест против несправедливости всегда побеждает» (цит. по: Walton, 1984, p. 69). И вполне убедительно звучит последняя фраза из книги М. Киммеля: «Хотя обстоятельства могут драматически изменяться от поколения к поколению и от одной страны к другой, но пружины человеческих эмоций, из которых проистекают революции, остаются неизменными в своей нацеленности на артикулирование языка свободы и достоинства» (Kimmel, 1990, p. 224).

Разумеется, один из главных вопросов, возникающих в связи с революциями, это вопрос о том, насколько они вероятны в современном обществе вообще и в нашей стране в частности. Было время, когда нам казалось, что революции — удел «банановых республик», а для более развитых стран время революций осталось в прошлом. Две наши недавние революции — удавшаяся, 1991 г., и неудавшаяся, 1993 г., а также «бархатные» революции, «революции роз» и т. п. продемонстрировали, что это большое заблуждение, еще более поколебленное недавними событиями в спокойной и не склонной к революционным баталиям Венгрии¹⁹.

¹⁸Очень симптоматично, что за безобидный по своим последствиям ритуальный захват правительственного здания группа «лимоновцев» получила бóльшие сроки тюремного заключения, чем дают закоренелым преступникам.

¹⁹Эти события продемонстрировали также, что революционные выступления масс могут быть вызваны не только непримиримыми классовыми противоречиями, но и такими ситуативными обстоятельствами, как, например, ложь правительства своему народу. В этой связи представляется актуальным различение объективных предпосылок революций и «триггеров» — обстоятельств субъективного характера, «запускающих» революционный процесс (Kimmel, 1990).

В результате сформировалось новое представление — о том, что революции крайне мало вероятны в странах с устоявшейся демократией и весьма возможны в странах, где она не устоялась или вообще отсутствует. Однако и это представление может оказаться ошибочным, и даже страны с устоявшейся демократией, многие из которых переживают острые этнические и т. п. конфликты, вполне способны на революционные «сюрпризы». В частности, возможность революции в США А. Токвилль связывал с расовыми причинами, в первую очередь с неравенством условий, в которых находятся белые и чернокожие американцы (Toqueville, 1955). Недавние погромы в Париже продемонстрировали, что этот потенциальный источник революций в современном мире приобретает особую актуальность, расширяя марксистские представления о революциях, в рамках которых они предстают порождением классовых, но не расовых и этнических конфликтов. И есть основания сформулировать прогноз относительно того, что в современном мире революции на почве этнических конфликтов выглядят более вероятными, чем революции, порожденные классовыми противоречиями, хотя противопоставлять одно другому, конечно, не следует.

События последних десятилетий продемонстрировали также, что при-

вычный для нас марксистский образ революций, как обусловленных классовой борьбой, явно устарел и мало соответствует современности. Такие революции в современном мире тоже возможны. В этой связи стоит отметить, что исторический спор между капитализмом и социализмом, под знаком которого прошло предшествующее столетие, по всей видимости, еще не завершен. Например, К. Поланьи называет социализм «заложенной в индустриальной цивилизации тенденцией преодолевать само-регулируемость рыночной экономики, заменяя ее осознанным подчинением демократическому обществу» (Polanyi, 1957, p. 234), подчеркивая тем самым, что социализм не только не противоречит демократии, но, напротив, является *демократическим* «ограничением» рыночной экономики. Эта мысль особенно важна для нашего общества, где либеральные экономические преобразования осуществляются от имени демократии, однако, как правило, не демократическими способами, без учета мнения основной части общества. Вместе с тем в современном обществе более вероятными представляются другие виды революций — «бархатные», «оранжевые», революции «сверху»²⁰, революции на этнической почве и др., вынуждающие существенно расширить традиционные

---

²⁰Развернутую характеристику «революций сверху» дает Е. Тримбергер. Она описывает их как инспирированные людьми, которые занимают ведущие позиции в государственном аппарате, и осуществляемые в целях модернизации и повышения эффективности государственного устройства. Такие революции характеризуются низким уровнем участия масс (все основную революционную работу выполняет сама властвующая элита), относительной бескровностью и вообще низким уровнем насилия, отсутствием актуализации радикальных идеологий, прагматичностью и поступательным характером (Trimberger, 1978).

представления о революциях и их движущих силах. А из современных представлений о революциях вытекает формула: революции никогда не являются неизбежными (в отличие от марксистской трактовки, в рамках которой они представляли «объективной необходимостью»), но всегда возможны (в отличие от представлений о том, что время революций осталось в прошлом).

Очень важный вопрос — возможна ли революция в условиях демократии, которую принято считать наиболее прогрессивным политическим режимом, не нуждающимся в «улучшении», особенно революционным путем? А. Токвиль писал, что большинство граждан демократических государств не видят, что они могут выиграть в результате революций, зато видят тысячи вариантов, в результате которых они могут проиграть (Toqueville, 1955). А М. Киммель отмечает, что «в условиях демократии революции происходят очень редко, однако возможность революций существует» (Kimmel, 1990, p. 32), что сопряжено с социальной несправедливостью, которая характерна и для демократии.

Идея о том, что демократия является абсолютно надежным «лекарством» от революций, не только противоречит событиям последних лет и революционному «откату» от демократии в странах, форсировавших ее внедрение слишком быстрыми темпами, но и не вписывается в опыт самой демократии — реальной, а не идеализированной. В основе этой идеи лежит вроде бы очевидное рассуждение: если большую часть населения не устраивает власть или существующий социальный порядок,

то при наличии демократических механизмов власть можно сменить, а социальный порядок изменить демократическим путем и, соответственно, нет нужды в революциях. Но, во-первых, не всякая власть согласна на смещение демократическим путем, нередко прибегает к фальсификации результатов выборов и другим подобным приемам. Во-вторых, существующий социальный порядок, как правило, бывает закреплён в конституции (редко являющейся продуктом «всенародных» решений) и плохо поддается демократическим изменениям, свидетельством чему является круг вопросов, по которым запрещено проводить референдумы. В-третьих, демократия неизбежно порождает механизмы манипулирования поведением избирателей, подавление оппозиционных сил с помощью государственного аппарата, необходимость больших финансовых и пиар-ресурсов для проведения избирательных кампаний и т. п., в результате чего часто является «управляемой» демократией, т. е. механизмом реализации интересов тех, кто находится у власти. В ряде стран в подобных условиях, усугубляемых неразвитостью институтов гражданского общества, у «низов» имеются весьма ограниченные возможности воздействия на власть и на существующий социальный порядок демократическим путем. А «низы» недовольны властью и режимом практически всегда, и все зависит от возможности «верхов» сдерживать и амортизировать их недовольство.

Тем не менее существуют весомые аргументы против возможности революций в современной России. Во-первых, наша нынешняя демократия,

несмотря на свою молодость, является хорошо «управляемой», а наша власть уже имеет богатый опыт нейтрализации революционных движений (вспомним 1993 г. и последующие события), а также научилась «приручать» оппозицию и даже выращивать ее искусственно. Во-вторых, каждый народ переживает периоды «революционной пассионарности», по прошествии которого его революционная энергия иссякает. И трудно предположить, что Россия после бурных событий начала 1990-х способна на новые революции. В-третьих, в нас отложен исторический опыт нашей страны, научивший, что революции, унося множество человеческих жизней и поглощая бездну энергии, которую лучше использовать на нормальное социально-экономическое развитие, не оправдывают возлагаемых на них ожиданий, а идеи, лежащие в основе революций, оказываются мифами. В-четвертых, если исходить из изложенного выше понимания революций как реакции не на отсутствие необходимых реформ, а на сами реформы, то можно уповать на то, что основная часть наших сограждан к реформам более или менее адаптировалась, если не материально, то, по крайней мере, психологически (Журавлева, 2006; и др.)²¹, и эта предпосылка революций сейчас не так актуальна, как в первые годы преобразований. И, в-пятых, если революции являются «локомотивами истории»

(история также учит, что эти «локомотивы» могут двигать ее не только вперед, но и в обратном направлении), то «машинистами» в подобных «локомотивах» — наиболее деятельные, беспокойные люди, стремящиеся к лидерству и остро нуждающиеся в высокой социальной активности. Таких людей в современной России немало, но для них открыто множество социальных «ниш» в бизнесе, политике и др., где их потребности находят удовлетворение. Естественно, остается и «ниша» для революционеров-романтиков, руководствующихся высокими социальными принципами, а не потребностями в самореализации, но таких людей в нашем прагматическом обществе остается все меньше.

В марксистской традиции подобные факторы принято относить к «субъективным», что, естественно, несколько не принижает их значения. Главная же «объективная» предпосылка революций в той же традиции — острые социальные противоречия, неравномерное распределение собственности, огромные различия в уровне доходов и т. п. — существует и в современной России. К ней добавляются такие «немарксистские» причины революций, как этнические конфликты, радикальные различия в уровне жизни занятых в государственном и частном секторе (Козырева и др., 2001), и т. п. Вопреки традиционному представлению о революциях как о направленных против

---

²¹Это проявляется в сокращении численности наших сограждан, констатирующих ухудшение своего экономического положения и вообще в некотором «просветлении» общего эмоционального фона в обществе (Козырева и др., 2001, с. 250), хотя подобное «просветление» пока выглядит как «луч света в темном царстве».

государства, возможна и «прогосударственная» революция — восстановление, причем радикальными средствами, строгой вертикали власти и других атрибутов сильного государства, распатанного либеральными реформами (что, как показывают опросы, отвечает чаяниям большей части российского населения). Разумеется, свою лепту в формирование революционных настроений вносит и поведение правящей — «рублевской» — элиты, «страшно далекой от народа» во всех отношениях²². А «в ситуации, когда картина мира правящей элиты кардинально отличается от картины мира общества, элита отрывается от него, теряет эффективность, создается конфликт по известной схеме "верхи не могут, а низы не хотят"» (Ракитян-

ский, 2002, с. 71). Следует учитывать и то, что научно-технический прогресс порождает технические средства, например, Интернет, способные служить и средствами массовой мобилизации, которая, как было показано выше, является одним из главных условий революций. Но, главное, «причиной революций всегда является несправедливость» (Pettee, 1938, p. 31), а идея социальной справедливости представляет собой одну из «вечных» идей в истории человечества, которая, видимо, всегда будет ориентировать умы на поиск наиболее справедливого социального порядка. Так что представлению о том, что время революций осталось для нас в прошлом, предстоит выдержать очень серьезную проверку временем.

Литература

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Климов И.А. Социальная мобилизация — морфогенез структуры и действия // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 328–336.

Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 243–255.

Ракитянский Н.М. Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе политического реформирования // Психология восприятия власти. Вып. 1. М.: СП «Мысль», 2002. С. 63–74.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Санкт-Петербург: Наука, 2006. Т. 2.

Шестопал Е.Б. Образы власти в России конца XX века. Некоторые результаты исследования 1993–2002 гг. // Психология восприятия власти. М.: СП «Мысль», 2002. Вып. 1. С. 31–52.

Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги и способность противостоять им

²²По словам Н. М. Ракитянского, «радикал-либералы уже к 1998 г., т. е. за 7 лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты — за 70 лет своего» (Ракитянский, 2002, с. 71).

- // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
- Adas M.* Prophets of Rebellion: Millenarian protest movements against the European colonial order. Chapel Hill, NC: Univ. of North California Press, 1979.
- Anderson P.* Lineages of the Absolutist State. London: New Left Books, 1974.
- Aya R.* Theories of revolution reconsidered: contrasting models of collective violence // Theory and Society. 1979. 8. 1.
- Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York: Harper and Row, 1965.
- Collins R.* Sociology Since Midcentury. New York: Academic Press.
- Collins R.* Weberian Sociological Theory. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Edwards T.* Comined and Uneven Development. London: New Left Books, 1982.
- Eisenstadt S.N.* Revolution and the Transformation of Societies. New York: Free Press, 1978.
- Durkheim E.* Suicide. New York: Free Press, 1951.
- Freud S.* Civilization and its Discontents. New York: Norton, 1961.
- Freud S.* Group Psychology and the Analysis of the Ego. New York: Norton, 1959.
- Hintze O.* The Historical Essays of Otto Hintze. New York: Oxford Univ. Press, 1975.
- Johnson Ch.* Revolution Change. Boston: Little & Brown, 1966.
- Kimmel M.S.* Revolution: a Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1990.
- Le Bon G.* The Psychology of Revolution. New York: Putnam's, 1913.
- Leiden K., Schmitt K.M.* The Politics of Violence: Revolution in the Modern World. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.
- Muller E.N.* Economic Determinants of Democracy // American Sociological Review. 1995. 60. 6. 966–982.
- Mousnier R.* The Fronde // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe // R. Forster, P. Greene (eds.). MD: Johns Hopkins Univ. Press, 1970.
- Olson M.* The Logic of Collective action. New York: Schocken Books, 1965.
- Paige J.* Agrarian Revolution. New York: Free Press, 1975.
- Parsons T.* The Social System. New York: Free Press, 1955.
- Pettee G.S.* The Process of Revolution. New York: Harper and Brothers, 1938.
- Polanyi K.* The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957.
- Robinson P.* The Freudian Left: Wilhelm Reich, Geza Roheim, Herbert Marcuse. New York: Harper and Row, 1969.
- Skocpol T.* States and Social Revolutions. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Smelser N.* A Theory of Collective Behavior. New York: Free Press, 1962.
- Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978.
- Toqueville A.* The Old Regime and the French Revolution. New York: Anchor, 1955.
- Trotsky L.* The History of Russian Revolution. New York: Doubleday, 1959.
- Trimberger E.K.* Revolution From Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru. New Brunswick NJ: Transaction Books, 1978.
- Wallerstein I.* The Modern World System. 3. San Diego, SA: Academic Press, 1989.
- Walton J.* Reluctant Rebels: comparative studies of revolutions and undevelopment. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1984.
- Wolferstein E.V.* The revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971.
- Zagorin P.* Rebels and Rulers. 1. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.